

ЕВГЕНИЯ ШТОЛЬЦ

ДЕМОНОЛОГИЯ САНГОМАРА

НАСЛЕДИЕ ВАМПИРОВ

фэнтези

МИО

МИФ Проза

Евгения Штольц

**Демонология Сангомара.
Наследие вампиров**

«Манн, Иванов и Фербер»

2020

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Штольц Е.

Демонология Сангомара. Наследие вампиров / Е. Штольц —
«Манн, Иванов и Фербер», 2020 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195970-0

В детстве Уильям касается кельпи – кровожадного духа Сонного озера – и чудом избегает смерти, даже не догадываясь, как сильно эта встреча изменит его судьбу. Много лет спустя на его родную деревню нападают вурдалаки. Пытаясь спасти семью, он сам оказывается в ловушке, но в последние мгновения жизни получает от незнакомца редчайший дар – бессмертие. Вот только в демоническом мире Сангомара даже помощь может обернуться проклятием. Как же теперь добродушному Уильяму справляться с жадой крови, которую он постоянно испытывает? Книга также выходила под названием «Демонология Сангомара. Преемственность».

УДК 82-312.9

ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-195970-0

© Штольц Е., 2020

© Манн, Иванов и Фербер, 2020

Содержание

Глава 1. Не ешь меня	8
Глава 2. Необычная встреча	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Евгения Штольц

Демонология Сангомара.

Наследие вампиров

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

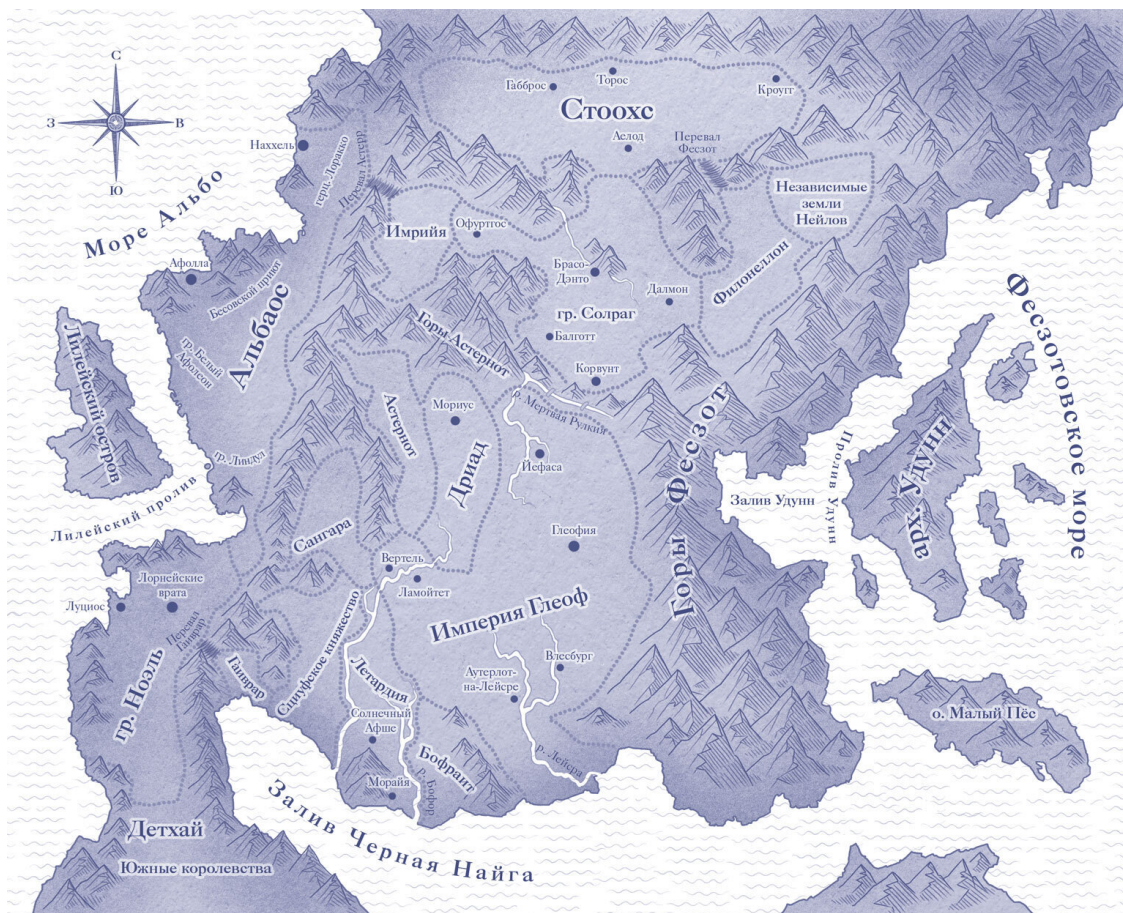
© Евгения Штольц, 2023

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

*Спасибо всем тем, кто верил, поддерживал, вел за руку.
Без вас этой книги бы не было.*

*Душа чиста, а сердце смело –
В легендах образ сей воспет.
Затем в легендах и воспели,
Что в жизни места ему нет.*

Глава 1. Не ешь меня

2105 год по общему летоисчислению

Всякая необычная история обязана начинаться прежде всего с необычной встречи. Причем так начинаются как светлые истории, так и страшные, ужасающие своими последствиями. И если нет никакого желания ввязываться в водоворот событий, то, возможно, стоит запрятаться в глухие земли, затаиться и сделать вид, что нет тебя для этого мира, как и мира для тебя тоже нет?

Впрочем, так и поступали столетиями обитатели маленького графства Офурт. Это был край тысяч рек и тысяч гор, укрытых от всех сосновыми лесами, зияющий оскалившимися черными пропастями, обеленный на вершинах снегом.

Здесь не имелось по-настоящему больших городов. Люди жили в разбросанных крохотных деревушках, промышляя охотой, собирательством, рыболовством и обменом одного скудного добра на другое в поселениях побольше, лежащих вдоль единственного тракта – Офуртского. Веками у них были одни и те же уклады. Не знали они ни о власти бессмертных, ни об искре магии на Юге, ни о разрушительных мировых войнах, ни о том, каким вообще стал этот мир после слияния с миром Хорр. Но было и то, о чем они точно ведали: их леса до сих пор наводняли невообразимые страшные демоны.

И вот мальчик, лет восьми, рожденный в этом забытом крае – Офурте, – пробирался сквозь густые заросли рогоза, устилавшего пологие берега Сонного озера. Жители окружающих деревень поговаривали, что здесь обитали чудовища. И не просто поговаривали – давеча пропал молодой дровосек, ходивший сюда на рыбалку.

Вот только пугавшие селян истории о демонах Уилла, наоборот, привлекали.

Широкополая соломенная шляпа покрывала его черные как смоль волосы. Стоял жаркий полдень, обычный для середины лета. Солнце пекло так, что мальчик то снимал ее, чтобы обмахнуться, то возвращал на нагретую макушку. На ногах его были надеты сандалии, коричневые штаны сшиты из простой, но прочной ткани, а бежевая легкая рубаша из льна уже испачкалась в траве.

Сегодня утром матушка попросила Малика, своего старшего сына, помочь по огороду, поэтому Уиллу было поручено отправиться на рыбалку в одиночестве.

– Уильям, сынок, ты уже взрослый, – наказывала матушка Нанетта и грозила пальцем, – а потому сходишь на Белую Нивь без брата. Принеси рыбы на шесть ртов – нам на ужин да соседям немного. Уди только на нашей реке – и чтоб ни шагу дальше! Понял?

В тот момент Уилл чуть не завопил от детского восторга, едва не выдав своих намерений, и, конечно же, послушался мать. Он давно уже миновал реку, текущую возле их деревни, а затем старый сосняк. Теперь он брел дальше по берегу Сонного озера. За плечами его покоился плетеный короб, набитый уловом – ленками и гольричкой, а на плече подрагивала небольшая удочка, вырезанная из прочного и гибкого прута ивы, росшей по берегам горных озер.

Выбравшись из зарослей на полянку, он нырнул под тень одинокой ивы. По берегам озера ивняк рос кучно, но это дерево отчего-то стояло в гордом одиночестве. Лишь пожухлая трава да выжженный солнцем рогоз составляли ему компанию. Укрыв короб с уловом в тени, Уилл освободил от листьев и травы землю, сложил сухие веточки, достал огниво из мешочка на поясе и шустро развел огонь. Пока костерок разгорался, он очистил от чешуи и выпотрошил рыбу при помощи небольшого ножа, который всегда носил с собой.

Вскоре в воздухе поплыл аромат жареной гольрички. После трапезы Уилл прислонился к стволу ивы и принялся беззаботно разглядывать тихую гладь озера, о котором слагали нехорошие легенды. Только ничего страшного он так и не заметил...

Неожиданно послышалось ржание, совсем рядом.

Уилл подскочил как ужаленный и завертел головой, не веря своим ушам. Послышалось? Нет, ржание повторилось, шагах в ста. Тогда он кинулся на звук, раздвинул высокую траву, потом пробрался через рогоз и вышел на другую поляну, меньше предыдущей. Там стояла, пританцовывая, кобыла. Стройная, грациозно водящая шеей из стороны в сторону – она глядела на мальчика бархатными и ласковыми глазами. Темно-мышастые бока ее отливали благородной сталью, а шелковистая грива и хвост были чернее ночи.

Уилл замер от восхищения. Ему показалось, что перед ним дивная иллюзия, мираж и стоит лишь шевельнуться или хотя бы моргнуть, как лошадь тотчас исчезнет. Не веря, он потер глаза. Однако кобыла так и продолжала стоять посреди полянки, довольно ржала и пофыркивала. Тогда он сделал несколько осторожных шагов ей навстречу.

Как же такая чудесная кобыла могла оказаться около Сонного озера? И где всадник?

Мальчик огляделся в поисках хозяина, но кругом не было ни души. И тихо. Даже птицы замолкли... Он подошел еще ближе. Похоже, лошадь никогда не знала ни седла, ни подков. С нее капала вода, а между конских волос проглядывали водоросли.

Она тоже двинулась к мальчику, склонив голову и дружелюбно фыркая. Уилл потянулся было погладить ее, но вдруг замер. В его пронизательных глазах промелькнуло подозрение: ему вспомнились страшные сказки. Отдернув руку и медленно, боясь спугнуть животное, он отошел сначала на шаг, потом на два, потом еще и еще... Теперь он взирал на прекрасную кобылу с ужасом. Лошадь этому как будто удивилась. Она тряхнула густой гривой и замерла, глядя на мальчика пронзительно-голубыми глазами. А затем сделала шаг вперед – после чего мальчик отпрянул еще дальше.

– Я знаю, кто ты! – воскликнул Уилл испуганно.

Лошадь заржала и пододвинулась чуть ближе, пританцовывая, топчя копытами мягкую землю.

– Нет. Я к тебе не притронусь!

Мальчик отступал в высокую траву, не сводя с кобылы глаз. А та, в свою очередь, неотступно следовала за ним и тоже смотрела немигающим взглядом.

– Не иди за мной! – перепуганно пропищал Уилл, едва не споткнувшись о камень.

Тут лошадь и застыла. Знойный воздух вокруг нее всколыхнулся, как всколыхнулась и сама кобыла. Из ее глотки раздался жуткий визг, а спина ее вдруг провисла, прибившись

к земле. Спустя миг от грациозной кобылы не осталось и следа: морда ее удлинилась, оголив кривые и острые зубы, передние ноги скрючились, а задние и вовсе срослись в рыбий хвост.

Чудовище люто завизжало.

Уилл пустился наутек не оглядываясь. Через высокую траву! Прочь от озера к сосновому бору! Чудище мчалось следом, с оглушающим грохотом и треском, сминая все на своем пути; как бы быстро ни бежал Уилл, оно настигало его очередным гигантским скачком. Сверкнула разверстая смрадная пасть с кучей острых зубов. Споткнувшись, мальчик с воплями упал вперед и тут же приложился лбом о камень, да так сильно, что в его глазах потемнело.

Позади послышался очередной визг. Уилл испуганно оглянулся. Чудовище забилось о невидимую преграду совсем рядом с ним, заплескалось черной гнилью. Но все его попытки оказывались тщетны: как бы оно ни щелкало пастью, как бы ни вываливало длинный язык, роняя пену, а мальчик-то отбежал от озера слишком далеко.

– Кельпи... – прошептал Уилл. Его начала бить крупная дрожь. Он обхватил руками колени и разрыдался.

Все в округе притихло, будто вслушивалось.

А кельпи не переставая билась и билась, вопила, рычала и визжала на сто голосов. Плакал Уилл. Чуть погодя демоница все-таки поумерила свой гнев и замерла у невидимой преграды, разглядывая всхлипывающего ребенка. Время от времени она тихо фыркала и лязгала пастью.

Наконец Уилл унял дрожь в коленях и встал, пошатываясь, – он находился под ветвями той самой одинокой ивы, где оставил короб с уловом.

– Кельпи! Ты кельпи... Я читал о тебе в сказках!

Демоница взбрыкнула. Затем завопила гневно и обиженно.

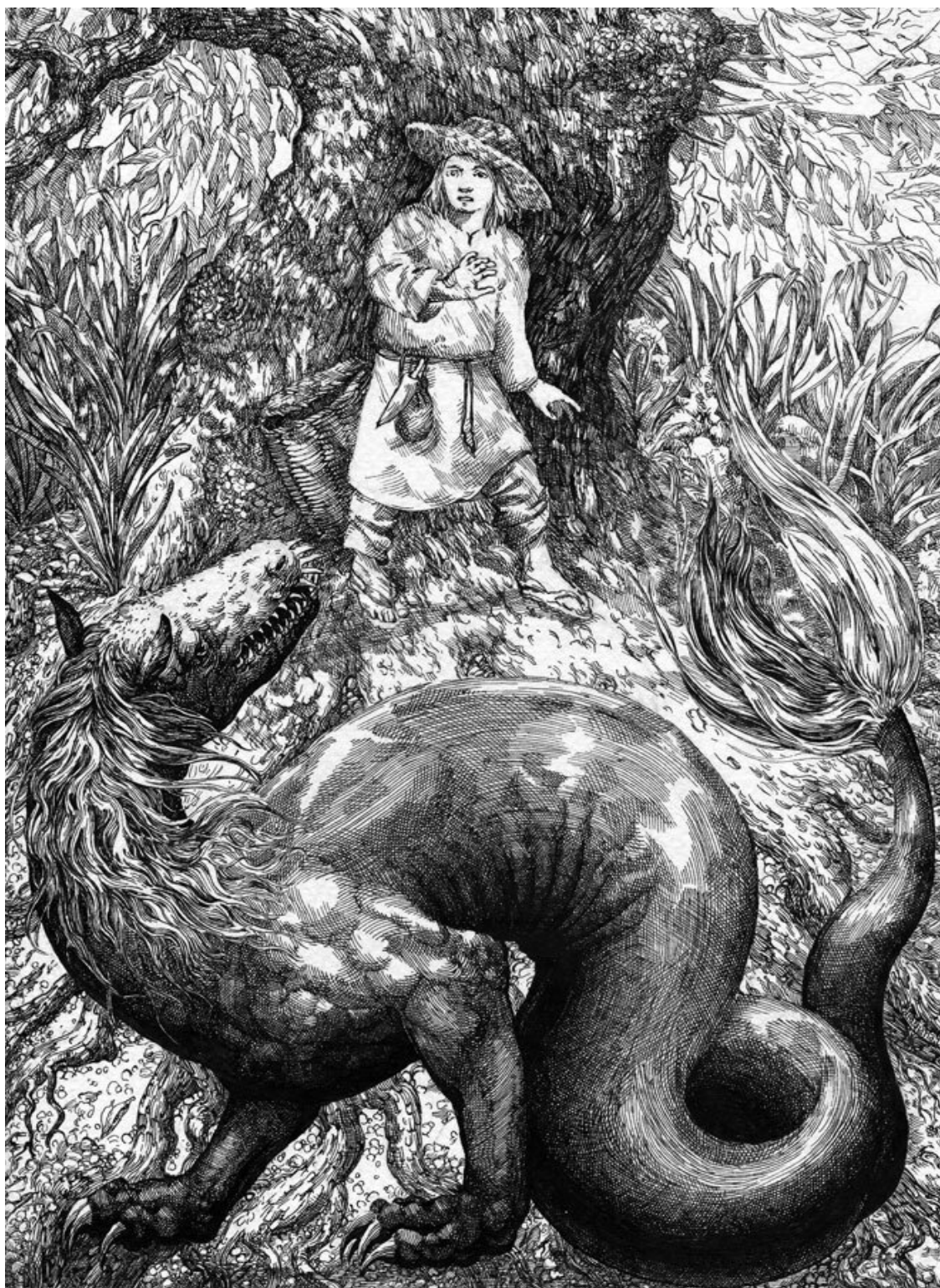
– А я тебя не боюсь!

Уилл вытер лицо от слез испачканным рукавом, а затем неожиданно скорчил рожицу и показал язык.

– Думал, ты страшнее, а у тебя хвост как у гольрички! Ха!

Впервые в жизни Уилл ощутил то самое сладостное чувство – чувство победы! И пусть противник не повержен, но наблюдать за его бессильной злобой ничуть не хуже! Ведь не так давно кельпи должна была схватить его, а вместо этого он сейчас корчит ей рожи.

– Чудище озерное, чтоб тебе пусто было! – не унимался Уилл. – Сиди тут одно, страдай от голода! Гольричка! Или вот погоди у меня. Приду я с удочкой... Поймаю за хвост и зажарю на костре!

Кельпи фыркнула. Развернувшись, она медленно поползла, волоча хвост, в сторону озера. А когда скрылась в зарослях рогоза, то над озером и вовсе прокатился недовольный и обиженный стон оттого, что такая легкая добыча сбежала, а теперь еще и издевается. Напоследок соорудив еще одну гримаску, Уильям быстро взвалил на спину короб с рыбой, закинул удочку на плечо и побежал домой. Всю дорогу он оглядывался и пытался унять дрожь в коленках.

* * *

Спустя два года

Стояла невыносимая жара. Над Сонным озером колыхалось душное марево, и всякий зверь, птица или рыба искали спасительную тень. Даже ивы, окружавшие озеро, стояли, склонившись, будто устали от жуткого пекла. И снова трава раздвинулась, и на небольшую полянку ступил мальчик. Это был все тот же мальчик, который два года назад чудом избежал смерти от кельпи. Но зачем он вернулся на то место, где едва не погиб?

Уилл оглянулся заплаканными и опухшими глазами, нашел тот клочок земли, где кобыла ударилась о невидимую стену. Еще раз посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что не ошибся. Снова нырнул в кусты и вернулся с несколькими камнями, которые разложил по границе, чуть ближе к своей стороне, – так, чтобы в запасе оставалось несколько шагов.

– Кельпи, ты здесь? – позвал он негромко и неуверенно.

Ответом ему была звенящая тишина. Уилл сдерживался несколько минут, терпел и, когда понял, что никто не придет, вдруг рухнул на колени и дал волю горьким рыданиям.

– Я просто не знаю... не знаю, куда еще мне идти. Вчера случился пожар в храме Ямеса... И... отец погиб! Его, обожженного, вытащили, когда потушили огонь... И Вларио... Тоже сгинул в этом чертовом пожаре... А мой учитель... Он задохнулся в дыме и не смог выбраться, потому что был почти слеп...

Мальчик прижал руку к сердцу и вновь склонился к земле в громком плаче.

– Такой сильный огонь... Мне никогда не было настолько страшно... Даже когда ты гналось за мной, чудище. Я не знаю, зачем пришел сюда... Не знаю... Матушка ни жива ни мертва, не видит ни меня, ни моего брата... не узнает нас. Знахарка Удда отпаивает ее чем-то и говорит, что матушка не будет никого узнавать ближайшие несколько недель... Нас отправили к дедушке и бабушке в Малые Вардцы... А Малик, он не любит меня и сказал сегодня, что лучше бы сгорел я, а не отец. Мне даже не с кем поговорить о том, что случилось... Линайе запрещают со мной играть, а другие дети называют меня чокнутым.

Мальчик упал на землю, и его стенания разнеслись над озером. Но никто так и не вышел из высокой травы. Он и сам не знал, зачем пришел сюда, где едва не погиб два года назад. Может, случилось это потому, что в деревне его никто не слышал и не слушал; не было ни единой души, которой бы мог он поведать о боли своей утраты. Потому и не нашел он более уединенного места для своего горя, чем Сонное озеро с обитавшими в нем демонами.

Миновал час, а может, и два, прежде чем Уилл успокоился и покинул мир жутких воспоминаний, преследовавших его с самого пожара. Поднявшись, он отряхнулся и, подобно гриму, посмотрел тусклым взглядом на поляну. Все те же заросли сухого рогоза, неподвижные в жарком мареве... Все та же тишина, прерываемая писком насекомых...

Он развернулся и, шатаясь, медленно побрел в сторону дома.

Послышалось ржание.

Уилл оглянулся. Из сухого рогоза вышла та же серая кобыла, с которой ему довелось столкнуться раньше. Со смесью страха и восторга он посмотрел на это прекрасное создание, под личиной которого таился демон. Но горе его утраты сейчас было так велико, что воспоминания об оскаленной пасти, разверстой над его головой, стерлись и уже не вызывали прежнего ужаса.

– Извини, что я пришел. Мне тогда показалось, что тебе одиноко. А теперь и я остался один... – мальчик говорил, скорее, сам с собой. – Я никогда не думал, что Вларио так ужасно умрет... Его тело, оно скрючилось, почернело и... А мой отец и старый учитель... Это ужасно!

Слова встали комом в горле, и он снова разрыдался. А между тем кобыла медленно начала идти к незримой стене, склонив голову, – все ближе и ближе. И взгляд... взгляд у нее

был странно неподвижен и напоминал стылую воду. Мальчик же, вытирая рукавом и кулаками глаза, начал пятиться из страха, что стена находится дальше, чем ему кажется. Когда лошадь дошла до невидимой преграды, она фыркнула и развернулась боком, пританцовывая на месте и перебирая копытами, – словно призывала подойти к ней.

– Нет, я не буду подходить к тебе, кельпи. Мне кажется, я хочу умереть... внутри, вот здесь.

Мальчик прижал ладонь к груди. Слезы брызнули на его руку.

– Здесь так сильно болит, что сил нет жить! Но я нужен матушке, потому что отец умер... и теперь мы с Маликом должны кормить семью. Матушка, бабушка и дедушка – они же нуждаются в нас. Я так хотел бы умереть, чтобы увидеться с папой и Вларио, но не могу... Ты ведь тоже одинока, кельпи?

Лошадь мотнула головой.

– А с кем же ты тогда дружишь? У тебя есть семья?

Но она снова лишь мотнула гривой.

Подойдя ближе, к границе, кобыла резко выбросила вперед заднее копыто и лягнула невидимую стену. Однако лишь уперлась во что-то, будто завязнув в воздухе. Тогда она раздраженно взбрыкнула другой ногой. А когда и так не вышло, то, отойдя, она вдруг кинулась всей своей грудью вперед. Уилл с криками отскочил. Ударившись, кобыла то ли завывала, то ли завизжала. Спустя миг, потемнев и скрючившись, уже черный демон уперся в стену обезображенной мордой. Из пасти на сухую траву закапала слюна. Так и простояли они оба как вкопанные, кельпи и Уилл, не отрывая друг от друга взгляда.

Наконец кельпи горестно замычала, развернулась и ушла в сторону Сонного озера, скрывшись в воде.

* * *

Уилл вернулся сюда следующим утром, когда первые солнечные лучи разогнали дымку тумана над озерной гладью. Он уже не выглядел таким заплаканным, как накануне, но темные круги под глазами и уставший взор свидетельствовали о том, что и эта ночь далась ему крайне тяжело.

В этот раз в руке мальчика была небольшая плетеная корзина. Подойдя к границе с невидимой стеной, он внимательно осмотрелся. Убедившись, что ничего не изменилось и камни лежали все там же, Уилл уселся прямо на жухлую траву, достал из корзины книгу и тихонько позвал кельпи. Ничего... Он позвал еще несколько раз, одновременно вслушиваясь в стрекот насекомых вокруг озера, в переливчатые крики птиц где-то далеко в лесу. Ничего не менялось.

Вдруг высокая трава с сухим треском раздвинулась, подмялась – и показалась кобыла. Она чуть помедлила, потом подошла ближе и внимательно посмотрела на мальчика. Тряхнула головой, словно приветствуя.

– Ты пришла, – молвил усталым, но счастливым голосом Уилл. – А я принес книгу сказок о чудовищах и монстрах... Там столько интересных историй! Именно оттуда я узнал и о тебе, кельпи. И там же прочел, что ты подманиваешь людей к себе, а когда они касаются тебя, то, ну, уже не могут уйти. Тогда ты уносишь их в пучину и разрываешь на части!

Лошадь заржала, и ему почудились насмешливые оттенки.

– Два года назад я рассказал своему старому учителю о встрече с тобой. Он тогда ответил, что главное не касаться тебя, кельпи. Ведь иначе ты получишь власть над моей душой!

Уилл раскрыл книгу, погладил кончиками пальцев шершавые страницы и перелистнул.

– А еще он обучил меня грамоте три года тому назад. Я же сын жреца! И я смог прочитать эту книгу, что и спасло меня при первой встрече с тобой. Так что, обучив меня чтению, он спас мне жизнь! Вот так...

При мыслях об учителе, а также его обгоревшем теле на глазах Уилла вновь навернулись слезы. Губы его предательски задрожали. Кобыла продолжала неотрывно смотреть на него своими голубыми глазами, и он нашел силы перебороть себя – не расплакался.

– Хочешь, я прочту сказку о тебе?

Он ждал, но лошадь продолжала стоять безмолвно и, казалось, даже не дышала. Тогда он вытер рукавом глаза и принялся искать нужные строки. А найдя, набрал в грудь воздуха, и его еще детский и чистый голосок зазвучал над утренней водной гладью:

– «Когда-то давным-давно жили-были брат и сестра. Они любили друг друга и жили вместе. Брат был хорошим охотником, и все завидовали его ловкости и силе; сестра же была дивной красавицей, чем вызывала не меньшую зависть. Как-то один толстый купец захотел заполучить в жены сестру охотника и принялся свататься к ней, задаривая золотом и серебром. Но сестра отказывала мерзкому купцу, а охотник раз за разом выгонял за порог неудачливого жениха. В конце концов купцу это надоело, и, обозлившись, решил он заполучить красавицу иным способом. Поздней ночью пришел он на пологий бережок озера, высыпал мешок серебряных монет в воду и молвил:

– Водяной дух, взываю к тебе! Помоги мне заполучить прекраснейшую из женщин!

На следующий день свинцовые тучи затянули небо и полился небывалой силы дождь. Сестра охотника вышла снять с веревки белье, как вдруг увидела во дворе прекрасного коня. Не было на нем ни седла, ни сбруи, ни подков. Конь тряс роскошной гривой и бил копытом о землю. Сестра, восхищенная столь чудесной красотой, подошла и прикоснулась к гриве жеребца кончиками тонких пальцев. И тотчас взгляд ее затуманился. Запрыгнула она на спину коня, и тот устремился к озеру, словно ветер. Охотник, заподозрив неладное, выскочил из дома в поисках сестры, но нашел лишь лошадиные следы. Необычные, словно копыта лошади были вывернуты наружу. Они-то и вывели охотника к озеру. Там он увидел платок любимой сестры, покачивающийся на волнах. Не помня себя от горя, охотник бросился в воду, но вдруг увидел в чистой воде серебряные монеты. Тогда он понял, что произошло, и направился в дом толстого купца. Купец, завидя охотника, испугался и рассказал о содеянном прошлой ночью. Охотник приволок его к озеру и кинул в ледяную воду.

– Хотел заполучить мою сестру в жены? Так иди же за ней в пучину!

Купец побарахтался немного и утонул. Так злой дух озера заполучил и красавицу, и толстого купца».

Закончив чтение, Уильям зевнул и поглядел на кобылу. Та насмешливо фыркнула. Опустив голову, она вдруг посмотрела на свои копыта, совершенно обычные конские копыта, потом радостно заржала и затанцевала перед невидимой стеной, поочередно вскидывая ноги.

– Да, я вижу, что у тебя обычные копыта, – понял намеки Уилл. – А может, у всех кельпи копыта вывернуты, а у тебя неправильно стоят? Ну, как у обычной лошади.

Однако лошади это предположение не понравилось – она тут же гневно взвизгнула и, в один миг обратившись в демона, ударила о незримую преграду, оберегавшую жизнь мальчика. От испуга Уилл подскочил на ноги. Он выронил книгу и выставил руки вперед.

– Извини меня, пожалуйста! Я не хотел тебя обидеть, не хотел, клянусь! Видимо, сказки ошибаются! Больше не буду тебя обижать, прости, – чуть погодя он примирительно добавил: – Может, тебе еще почитать? Тут есть пара сказок о кельпи. Но только не пытайся больше меня съесть, пожалуйста! Я маленький, и бабушка говорит, что очень костлявый, прямо как рыбка ленок... Ты же мной, наверное, даже не наешься... Гляди!

Уильям задрал рубаху и показал торчащие ребра.

Кельпи уставилась на него, а потом вдруг резко фыркнула, подняв верхнюю губу, – словно насмехалась над худосочностью Уилла. Затем она опустилась на землю и сложила под брюхо копыта, напоминающие ласты с когтями.

Уильям обрадовался. Он тоже лег на траву, положил книгу на землю перед собой и принялся читать очередную сказку. На этот раз история была о водяном духе, который унес молодую деву под воду, и та родила ему там детей. Настоящая кельпи в ответ весело фыркала и ржала, порой похрюкивала или даже демонически визжала. Казалось, истории ее невероятно забавляли. Ну а Уилл читал полчаса, час, и, когда очередная сказка почти подошла к концу, он вдруг зевнул и замолчал.

Кельпи резко поднялась с земли. Она посмотрела на мальчика, который сладко заснул, уронив голову на книгу. Затем подползла к невидимой стене, уперлась в нее, высунула язык, облизала свою черную морду и обратилась в обычную лошадь. Постояв так немного, она снова легла, подогнула под себя копыта – и забылась чуткой дремой.

Когда на Сонное озеро спустился полдень и солнце начало сильно припекать, сон Уильяма оборвался. Он проснулся и увидел, как по нему, потному, всюду ползают муравьи и мошкара. Тогда он медленно поднялся и стряхнул их с себя, а после огляделся – кобыла как сквозь землю провалилась. Да и пора было возвращаться домой. Уилл бережно поднял с земли книгу, смахнул с нее травинки и спрятал в корзину.

– Я вернусь, кельпи. Кажется, я не дочитал сказку... но завтра обязательно закончим! – пообещал он.

Затем он развернулся и, счастливый, зашагал домой.

* * *

Уилл вернулся в дом на краю деревни, где теперь жил с дедушкой и бабушкой. Его матушка Нанетта, окуренная успокаивающими травами, отдыхала у знахарки в Больших Вардах – городке, расположенном рядом с Малыми Вардцами.

Никому он не стал рассказывать о кельпи: ни родным, ни противному брату Малику, ни соседям, боясь прослыть чудным. Лишь два года назад он рискнул поведать старому жрецу Ямеса эту страшную историю о Сонном озере. Будучи человеком мудрым, жрец настоял, чтобы мальчик туда больше не ходил и помалкивал. Но саму тайну сохранил. Ведь он знал, что нетерпимый к нарушениям запретов отец Уилла хорошенько всыплет сыну, который к тому же против воли отца частенько бегал к старику учиться грамоте.

– Это нам грамота нужна, чтобы молитвы нашего бога Ямеса доносить до люда, а людуюто она зачем? Это лишнее искушение демонами. В незнании чистота и непорочность, – часто повторял отец Уилла, тоже жрец.

– Коль дитя тянется, то так и надобно Ямесу, – отнекивался всегда старик. – Читает и читает сказки...

– Еще раз говорю, нет у него нужды в грамоте, – недовольствовал отец Уилла. – Почему вы до сих пор от книжек еретических не избавились? Доколе они целы будут? А если Уильям после сказок за них схватится?

– Ямес все рассудит... Не трожь книжки...

Вот только Ямес рассудил по-своему. Не было суждено продолжиться этим нескончаемым спорам за судьбу мальчика, потому что сгорел храм, сгорел отец Уильяма, вытаскивая утварь, сгорел почти слепой старик-жрец. Мрачной тайной была покрыта причина пожара, но местные искренне верили, что это был дурной знак свыше и для них наступят темные времена...

Поутру мальчик вновь отправился на берег Сонного озера. Безо всякого зова явилась к нему кобыла из высокой сухой травы и посмотрела выжидающим взглядом, будто требуя продолжения недочитанной истории. И Уилл дочитал сказку, как и обещал, изредка поглядывая сквозь незримую стену на кельпи, но та так и оставалась в виде обычной серой лошади.

Теперь каждый день он брал корзинку с книгой сказок и шел к Сонному озеру, читал кельпи, разговаривал с ней, повествуя о своей жизни, а после уходил. Кобыла его всегда слушала. Часто она выказывала свое отношение к очередной истории посредством визга, ржания или фыркания. А порой даже хрюкала – но это только если история ей совсем уж нравилась.

В эти предобеденные часы Уилл чувствовал себя счастливым просто оттого, что на него обращают внимание и слушают. Да и кто слушает – сама кельпи!

Как-то притащил он корзину размером побольше. Уилл выпросил ее у бабушки, обещая насобирать ягод, а сам нырнул в небольшой сад за домом, оборвал спелых яблок и груш и заспешил к озеру. С трудом добравшись до места, он с чувством облегчения опустил тяжелую ношу наземь. Кельпи удивленно посмотрела на него, а затем вопросительно фыркнула.

– Я еще кое-что принес, кроме книг. Ты уж не сердчай, но взял не только для себя, но и тебе на угощение! Вдруг тебе понравится то, что едят обычные лошади? В Больших Вардах у некоторых богатеев есть кони. И я не раз видел, как их кормили яблоками и грушами. Наши груши и яблоки-то поменьше будут, не как в долине... Но вкусные, – улыбнулся Уилл.

Он подобрал длинный ивовый прут. Нанизав на него маленькую сочную грушу, мальчик подошел ближе к невидимой преграде, отделявшей его от озерного чудовища. Во рту у него пересохло от волнения, а руки слегка задрожали, когда он протянул угощение. Аппетитный плод оказался перед самой лошадиной мордой, закачался вверх-вниз, на что та лишь фыркнула, но к груше не притронулась.

– Это вкусно, попробуй... Тут такое не растет. Только в садах у нас.

Снова недовольное фыркание.

– Ну пожалуйста... Ты же не только людьми питаться должна... Ладно вурдалаки, эти чудовища только мясо едят, а ты же все-таки лошадь, ну, кажешься ей.

И он умоляюще посмотрел своими пронизательными синими глазами, прося исполнить его детское желание.

Кобыла потанцевала на месте, мотнула головой и остановилась, смотря на грушу. Разочарованный Уилл хотел было уже опустить прут, как вдруг она протянула морду вперед, обхватила мягкими губами фрукт и, прожевав, проглотила. Затем чуть хрюкнула. Уже по этому смешному звуку мальчик понял, что лошадь осталась довольна угощением. За время, проведенное на берегу Сонного озера, Уилл успел выучить многие повадки и привычки водяной демоницы и мог определить ее настроение.

– Еще? – спросил он, уже запуская руку в корзину. В этот раз ему попало яблоко, которое он надел на тот же прут и снова вытянул его вперед. – Это яблоко. Оно тоже очень вкусное. Может быть, чуть кислее, чем груша!

Стащив губами яблоко с палочки, кобыла похрустела им. Раздалось довольное ржание.

– Яблочко больше понравилось?

В восхищении мальчик схватил корзинку и подтащил ее к невидимой стене. Чуть раскачав, он опустил ее к земле и высыпал фрукты, чтобы те покатались вперед к ногам лошади. Лошадь, довольно пофыркивая, стала собирать их и жевать. Когда ничего не осталось, она красиво мотнула гривой и завалилась на бок.

– Пока не смогу принести больше яблок и груш. Может, нарву в садах Больших Вардов попозже. Здесь у нас, в Малых Вардцах, очень плохая земля! Все деревья слабые и чахлые... Дедушка говорит, что почвы у нас бедные и каменистые, а еще что мало солнышка и тепла. Но в Вардах – это городок в долине – фрукты гораздо лучше растут. Тебе почитать еще, кельпи?

Лошадь радостно фыркнула. Она лежала, удобно устроившись на сухой траве, а ее ярко-голубые глаза были чуть прикрыты. Округлый бок вздымался и опадал. Тогда Уилл уместился поудобнее, раскрыл книгу и принялся читать очередную сказку. Читал он громко и счастливо, потому что был невероятно доволен собой – он покормил саму кельпи! Вот знали бы соседские

мальчишки, хвастающиеся тем, что катались на лошадях в долине. Знали бы они... Но Уилл им не расскажет, ведь если раскрыть секрет, то он уже не будет секретом.

* * *

Осень

Так незаметно пролетело лето и наступила осень. Остатки сухого рогоза трепыхались на прохладном ветру, который то резко налетал, то так же резко пропадал – как это бывало в горах, где ветер носился вволю, словно свободолюбивая гарпия. Уилл ступил на поляну и подошел к камням. За все это время он натаскал их еще больше, и теперь невидимая стена имела под собой основание из вполне видимой горки.

Приложив руку к глазам, мальчик сощурился и вгляделся в озеро. Сейчас, по осени, оно проглядывалось от начала до края, видимое как на раскрытой ладони. По его темной спокойной глади, будто по земле, бежала красивая кобыла. Вот она добралась до кромки воды, грациозно сошла на берег и поскакала уже в сторону гостя, вверх по совсем небольшому и пологому пригорку. У самой границы невидимой стены лошадь замедлилась и остановилась, радостно заржав.

– И тебе привет, кельпи, – как-то грустно приветствовал водяного демона Уилл. – Я принес яблок. Мы с дедушкой вчера купили их в Больших Вардах. Он думает, что это я их все ем, поэтому теперь постоянно покупает по яблочку или по два, когда возвращается из города. А вчера вот целую корзинку взяли...

И мальчик высыпал содержимое корзины и подтолкнул палочкой яблочки, которые пересекли стену. Кобыла еще раз радостно заржала и стала стремительно собирать валяющиеся на земле фрукты, счастливо похрустывая.

– Кельпи, я хотел сказать тебе. Ну, что больше не смогу приходить...

Лошадь словно оцепенела. Нависнув над последним яблоком, она подняла уши и вслушалась.

Уделом Уилла было стыдливо опустить взгляд к своим ногам, переминаясь. Он печально произнес:

– Матушка выздоровела – она вернется домой сегодня вечером. Дедушка отправился за ней. Он, ну... Он взял с собой дарены, которыми оплатит бабушке Удде за помощь. И с завтрашнего дня я, как взрослый, начну рыбачить вместе с Маликом на Белой Ниви. Так сказал дедушка... Он стал плох, постоянно кашляет и говорит, что его знобит. Бабушка тоже уже плохо справляется с нашим огородиком, глаза не видят. И теперь я должен как кормилец обеспечивать семью...

Кобыла медленно дожевала последнее яблоко и подошла к невидимой стене, упершись в нее красивым лбом.

– У меня просто не будет времени приходить... Я долго добираться до тебя, озеро-то далеко от дома. А в лесах опасно... Тут вурдалаки ходят, а на деревьях чертята сидят, ждут, чтобы голову заморочить, если я вдруг с тропы сойду... Дедушка с бабушкой и так уже не верят мне, что я просто гуляю рядышком с Белой Нивью. Допытываются, где я пропадаю целыми днями. Я им о тебе ни слова не сказал, честно! Но здесь я больше не появлюсь...

На глазах мальчика, которому волей жестокой судьбы нужно было срочно вырасти и стать мужчиной, блеснули слезы. Вплотную он подошел к незримой преграде, не сводя с кобылы грустно-восхищенного взгляда. Та замерла, не шевелясь и не дыша, – лишь смотрела на него своими пронзительно-голубыми глазами.

– Ты такая красивая и грациозная... Хотела меня съесть и сейчас, наверное, хочешь. Но я восхищаюсь тобой, кельпи, ведь ты прекрасна во всех обликах! Мне... мне тебя будет не хватать... – И Уилл шагнул вперед.

Лошадь по-прежнему стояла неподвижно, пока с ее черной гривы тихо капала вода, а копыта упирались в землю.

Еще шажок, маленький – и его ноги коснулись камней. Он приподнял правую руку, вытянул ее к лошадиной морде, потом в страхе слегка подался назад. Но кобыла, будто чувствуя этот страх, стояла спокойно, умиротворенно, слегка склонив голову вниз и упираясь в стену лбом.

Собравшись с духом, Уильям все-таки коснулся ее самыми кончиками пальцев. По руке будто пробежала дрожь, раздался легкий треск, а может, и не было этого странного треска, и все это лишь почудилось. Но лошадь и дальше стояла, замерев. Он погладил ее теплый нос, раздувающиеся ноздри, но делал это осторожно, в любой момент готовый отпрыгнуть назад.

– Мне так жаль, что ты одинока, кельпи! Я тоже чувствую себя несчастным и одним на свете, но тебе, как мне кажется, куда тяжелее. Ведь у тебя ни матери, ни бабушки, ни дедушки, ни брата. Хоть Малик и очень противный, постоянно обижает меня и заставляет других мальчишек смеяться надо мной, называя зачарованным, он все-таки мой брат. А ты одна, совсем одна!

Кельпи фыркнула, пока его рука продолжала поглаживать ее морду, пропускать сквозь пальцы пряди ее густой гривы.

– Прощай, кельпи!

Уилл нехотя убрал руку и сделал шаг назад. В пальцах до сих пор чувствовалось странное покалывание. Смахнув слезы, он развернулся и подошел к корзине. С поляны он уходил медленно, постоянно оглядываясь и вытирал рукавом мокрые глаза. Ему казалось, что в его жизни потух единственный луч света. Как только озеро скрылось из виду за раскидистыми соснами, мальчик дал волю слезам – и они ручьями побежали по его бледным щекам, капая на ковер из опавшей хвои.

А серая кобыла так и продолжала стоять у невидимой стены, слушая удаляющиеся шаги и всхлипы. Наконец, когда стало так тихо, что казалось, будто птицы замолкли в лесу и насекомые подле воды, она вдруг подняла доселе опущенную голову. И сделала шаг вперед, спокойно перейдя преграду, которой для нее теперь не существовало. Пофыркивая, лошадь нарочно раскидала копытами камни, а затем неторопливо побрела вслед за мальчиком.

* * *

Уилл же добрался до крайнего дома в деревне, открыл дверь и вошел. Внутри его уже ждала матушка Нанетта вместе с бабушкой и дедушкой. Воздух был пропитан запахами успокаивающих трав: пахло спокуюшкой, голубовикой и ясным глазом. Травница Удда передала их про запас и наказала принимать несколько раз в день.

– Внучок, ты где пропадал? – сурово обратилась бабушка к вошедшему внуку. – Мы смотрели везде вокруг деревни, тебя нигде не было.

– Я чуть дальше ходил гулять, бабуль.

Мальчик опустил лицо, чтобы родные не увидели заплаканные глаза.

– Больше так не гуляй, с завтрашнего дня пойдешь рыбачить с Маликом, понял? – сказал дедушка, который раскладывал переданные травницей сборы по равным маленьким пучкам.

– Хорошо, дедуль.

– «Хорошо, бабуль», «хорошо, дедуль»... А чего это ты книгу с собой не взял сегодня, грамотей, а? – перекивлял его старший брат, состроив рожу.

– Не твое дело! – воскликнул обиженно Уилл.

– «Не твое дело, не твое дело»... Бу-бу-бу-бу! Да ничье дело, никому ты не нужен и друзей у тебя нет, малой! – Малик оттянул указательным пальцем нижнее веко и еще раз перекивлял младшего брата.

– Малик, Уильям! Дети, прекратите! – рассердилась Нанетта.

– Есть у меня друг! И лучше, чем все твои дылды! – закричал Уилл.

– Да ладно. И кто же это?

Мальчик открыл было рот, чтобы рассказать о своей волшебной кельпи, но вспомнил, что обещал старику-учителю ничего не говорить. Да и не поверит ему никто... Тогда он замолчал и отвел взгляд. А глаза его снова предательски покраснели: что толку от его дружбы с самим водным демоном, если он больше никогда не увидит его?

– Есть... Но я тебе не скажу, – всхлипнул Уилл и насупился.

Малик засмеялся, схватившись за живот руками. Потом с довольным видом пригладил волосы рукой; ему эта привычка передалась от отца.

– Да нет у тебя никаких друзей, дурило. Лишь фантазии. Одна Линайя тебя терпела. Но хорошо, что ее отец запретил общаться с тобой, потому что ты чокну-у-у-у-у-ый!

Уилл вспыхнул и кинулся на брата с кулаками, но его поймал за шиворот дедушка.

– Ты почто буянишь? – сурово спросил он у мальчика, который втянул голову в шею.

– Малик первый начал!

Дед погрозил и злобно хихикающему Малику, и покрасневшему Уиллу.

* * *

На следующее утро

Уильям проснулся с серым рассветом. Он вылез из-под льяника и поднялся с пола. Близилась пора Лионоры, посланницы Ямеса и богини осени, – и утренняя прохлада пробирала до костей. Обычно в это время года дедушка не только рыбачил, но и заготавливал дрова на холодный сезон, а теперь здоровье его стало совсем плохо, потому он собирался привлечь к работе внуков.

Войдя в дом, дедушка нарочито громко затопал ногами:

– Так, Уилл, ты проснулся. Буди брата, удочки в зубы и вперед на Белую Нивь! Сегодня пасмурно, так что клев будет хорошим – рыба смелая.

Неудивительно, что Малик мигом проснулся и сонным взором уставился в стену, а Уиллу не пришлось его расталкивать.

– О, раз ты уже проснулся, внучок, то собирайтесь давайте. Малик, научи брата тому, чему учил тебя я! Бегом! Прекращайте болтать с Ямесом!

Братья быстренько позавтракали вчерашней ухой и собрались на рыбалку. Они взяли плетеные кораба, удочки и вместе отправились к реке, протекавшей неподалеку от их горной деревни. Там они нашли место со спокойным течением, небольшой глубиной и раскидали опарышей в качестве прикормки.

– Я не собираюсь тебя учить, малой. Учись всему сам, ты же гра-а-амо-о-отный, – озлобленно предупредил младшего брата Малик и отсел от него подальше.

Время от времени рыболовы меняли места, переходили с одного на другое в поисках более удачного клева.

Как более опытный и взрослый, Малик за несколько часов наудил почти полный короб мелкой и относительно крупной рыбки. К обеду он взвалил ношу себе на плечи и развернулся.

– Сиди тут сам, малой, ты даже половины кораба не наловил! Вот как полный наберешь, тогда и приходи домой, – с этими словами, пригладив привычным жестом волосы рукой, грузный Малик пошел к дому.

Ну а Уильям остался один. Вытащив удочку, с крючка которой хитрая рыба только что безнаказанно стащила червя, он насадил другого. Свистнуло удилище – и поплавок вынырнул в небольшой заводи.

Начало припекать солнце, даря последнее тепло одинокому рыбаку на берегу речушки. Чтобы укрыться от зноя, Уилл потянулся за шляпой, лежавшей рядом с коробом, и вдруг увидел подле себя чьи-то босые ноги. Он испуганно поднял глаза. Около корзины стояла девочка с длинными и прямыми черными волосами по пояс, бледная, чуть сутулая, но все же красивая.

– Ты кто? – удивленно спросил он.

Девочка молчала. Она лишь хлопала глазами и наклоняла голову то в одну сторону набок, то в другую, рассматривая Уилла. Тот быстренько вытащил льняную леску с уже пустым крючком, с которого шустрая рыба снова стащила червя, и привстал, чтобы получше рассмотреть молчаливую гостью.

Тело девочки покрывало помятое серое платье до щиколоток, с которого стекала вода. В ее мокрых волосах проглядывала тина. А глаза... Уилл охнул, когда заглянул в них. На него смотрели не глаза, а бездонные голубые озера, большие, с чуть приподнятыми внешними уголками.

Так дети и глядели на друга. Вдруг девочка фыркнула, но фыркнула не по-человечески, а по-лошадиному. От этого Уилл побледнел и отпрыгнул назад, как встревоженный в траве кузнечик.

– Кельпи? – воскликнул он.

Потоптавшись на месте, девочка закивала и подошла ближе, спокойно ступая босыми ногами по острым камням. В горле у мальчика пересохло от страха. Он быстро схватил короб и потащил его за собой, устремляясь все дальше от реки.

Его соломенная шляпа так и осталась лежать на берегу. Девочка придвинулась к ней, подняла и попробовала отгрызть кусочек белоснежными зубками. Надкусив край, она фыркнула. Потом повертела шляпу в руках и, наконец, направилась с ней за мальчиком, который уже закинул короб на спину и улепетывал в сторону дома – благо до него было десять минут быстрым шагом. Уилл все ждал, что услышит позади громкий визг или демонический лязг челюстей с острыми клыками. Страх целиком овладел им, и он ни разу не оглянулся, пока не очутился у самой двери дома. Только тогда он осмелился посмотреть назад, но никого не увидел...

Дедушка хотел уже пожурить внука за то, что тот вернулся с полупустым коробом, но, заметив перепуганные глаза мальчика, передумал.

Все домашние, кроме Малика, окружили Уилла и стали расспрашивать, что случилось. Он хотел было рассказать о кельпи, но вовремя остановился, вспомнив счастливое время у озера. Вместо этого он поведал выдуманную историю о том, как заметил чью-то тень и очень испугался. Возможно, самого вурдалака или кого пострашнее! От этих слов все вокруг мальчика резко побледнели, а потом принялись успокаивать его, поглаживая по спине и радуясь, что ребенок вернулся домой целым и невредимым.

* * *

На следующий день братья вновь отправились на рыбалку. И вновь Малик еще до полудня набил корзину рыбой и победоносно удалился, обозвав брата неудачником. Уиллу пришлось остаться на берегу заводи, втянув голову в плечи.

Как только старший брат скрылся в лесу за зелеными разлапистыми соснами, послышалось тихое сопение:

– Уфш-ш-ш, уфш-ш-ш...

Дернув от страха плечами, Уилл повернулся. И снова увидел девочку. Она стояла совсем рядом, в каких-то двадцати шагах, и держала в руках его шляпу.

– Ты хочешь меня съесть? – испуганно прошептал Уилл. Он понимал, что каждый день не сможет убежать от девочки.

Подумав, она отрицательно фыркнула, мотнула головой, раскидав по плечам мокрые волосы, и подошла ближе. Уилл напрягся и подскочил с каменистого бережка. Не переставая разглядывать его, девочка вдруг протянула шляпу и замычала. Он, чуть дрожа, сделал шаг навстречу и взял слегка влажный головной убор.

– Спасибо. А в реке топить меня не будешь? – Уилл снова задал вопрос, прикрываясь шляпой, словно щитом.

Девочка странно рассмеялась. Смех получился чистым, звонким, но все равно каким-то нечеловеческим. Затем она подбежала к заводи и прыгнула в нее. Оказалось, вода здесь доходила ей едва выше колена. Попрыгав в воде и окончательно распугав всю рыбу, она вернулась на берег и выжидающе подняла брови.

– Да, да, вижу, что не утопишь. Я думал, ты не можешь покидать озеро...

Уилл все еще не доверял гостю, хотя очень хотел.

Тогда девочка подбежала к нему вприпрыжку, и он вздрогнул, сам того не желая, но остался стоять на месте. Лишь побелел от страха еще сильнее. Девочка ткнула пальцем в грудь Уилла – и он почувствовал легкое покалывание. Потом она показала на себя и изобразила пальчиками движение бегущих ног.

– А-а-а-а. Так ты пошла за мной? – догадался Уилл.

Девочка в ответ радостно закивала. На ее детском лице очень странно проявлялись эмоции: то слишком ярко и глупо, то тускло, и тогда личико казалось каким-то нереальным, словно каменным. Хотя мордашка ее все равно была весьма приятна и мила. А большие, обрамленные густыми ресницами глаза вобрали в себя все тона сине-голубого цвета. Они притягивали взгляд Уилла, а он будто тонул в них, завороченно всматриваясь в бездонную глубину. И невольно поддавался чарам.

– У меня нет с собой книги, кельпи... И яблок тоже нет. Но я могу тебе что-нибудь рассказать. Вот только нужно сменить место, а то ты всю рыбу распугала. Теперь здесь точно ничего не поймать...

Девочка топнула ногой, не желая ждать, и резко повернулась к реке. Ее мокрые волосы хлестнули мальчика по лицу – и он на мгновение очнулся от волшебного сна и отшатнулся. В один миг из заводи на каменистый бережок стала выскакивать, изгибаясь, рыба; сначала ее набралось на короб, потом на два, на три, и, наконец, казалось, Белая Нивь извергла абсолютно всех своих подводных обитателей. Ошарашенными глазами Уильям уставился на огромную шевелящуюся кучу, которая искрила под лучами солнца.

– Кельпичка, спасибо тебе! Я сейчас же расскажу тебе что-нибудь. Вот только нужно их вернуть в реку, мне столько не надо, мне бы полкороба только наполнить... – Он жестом показал на полупустой короб.

Девочка кивнула в ответ – и рыба, как по волшебству, принялась прыгать обратно в воду, пока ее не осталось ровно столько, сколько не хватало, чтобы заполнить корзину до краев.

Уилл быстренько собрал трепыхающийся улов и сел на большой камень. А прямо напротив устроилась девочка и стала ждать начала истории, подтянув коленки к груди. Порывшись в своей памяти, мальчик вспомнил пару сказок, которые точно не читал кельпи на берегу Сонного озера, и принялся с воодушевлением их рассказывать.

* * *

Через пару недель

Уилл и кельпи снова стали видеться каждый день. Однажды они оба лежали на берегу и жевали последние в этом году яблоки, маленькие и кислые.

– Кельпи, а как тебя зовут? У тебя же есть имя? – вдруг спросил Уилл.

Девочка, похрустывая фруктом, покрутила головой.

– Как же так? Как ты без имени живешь?

Девочка фыркнула, и Уилл понял, что ее этот вопрос не очень-то заботит. «Но у всех должно быть свое имя!» – эту мысль он тут же озвучил:

– Кельпичка, у всех должны быть свои имена. Меня, к примеру, зовут Уилл, а отношусь я к людскому роду. Люди обращаются ко мне не «человек», а «Уилл» или «Уильям», это если уж матушка совсем недовольна. А вот ты относишься к кельпи, водяным духам, но я не хочу больше звать тебя по общему имени твоих сородичей. Так что тебе нужно обзавестись собственным именем. Непременно!

Дожевав яблоко, девочка задумчиво поглядела своими огромными голубыми глазами сначала на Уилла, а затем пожала плечами и уставилась куда-то вдаль.

– Можно я дам тебе имя? – с придыханием спросил мальчик.

Раздалось одобрительное фырканье. Уилл тут же вскочил, задумался и принялся ходить взад-вперед по берегу реки, сложив руки за спиной. В уме он перебирал все самые красивые имена из тех, что вычитал в книгах, но ни одно из них не подходило для кельпи. И наконец его осенило!

– Кельпичка, я читал как-то об одной королеве из далеких-предалеких земель Гаиврар. Так вот, эта королева отличалась очень бурным нравом. А еще она была настолько грозной, что все ее боялись. После смерти мужа ей удалось собрать разрозненное войско и дать отпор соседнему королевству, которое посягало на ее земли. Она правила очень долго и прославилась как могущественная воительница и свирепая женщина. Ну... так в книге было написано. Вот... Звали ее Вериатель. Как тебе?

Девочка вытянула губы трубочкой и крепко задумалась. Наконец она кивнула. Уилл довольно захлопал в ладоши и провозгласил:

– Звать теперь тебя, кельпи, не кельпи, а Вериатель! Вериатель, повелительница рек и озер, грозная и могучая кельпи!

Тут маленькая демоница не по-человечески расхохоталась, и ее смех эхом отозвался в лесу. Вдруг она подскочила, схватила Уилла за руки и закружила в каком-то диком танце. Теперь уже он весело рассмеялся, стараясь поспевать за подругой, и они вместе помчались вдоль берега, прыгая друг за другом, как обычные счастливые дети.

* * *

Спустя семь лет

– Да что ты опять чепухой занимаешься? Давай рыбу лови! – озлобленно сказал Малик, с трудом поднимая свое грузное тело с земли.

Он, как обычно, наполнил короб до верха рыбой, толкнул своего младшего брата, однако тот уже был выше него ростом и с легкостью сумел отмахнуться.

– Что это? Обувь? – спросил Малик, сматывая леску.

– Да, – коротко ответил Уилл. Он ловко сплетал гибкие прутья и что-то мурлыкал себе под нос.

– Кому же?

– Не твое дело, Малик! Иди домой, отсыпайся, я через пару часов доловлю до полного короба и вернусь.

– Да он у тебя еще пустой, хвостун! Чего ты там до обеда наловишь? Ямесовский болтун! – сплюнул Малик, презрительно смотря на увлеченного делом брата, а после водрузил корзину на спину и зашагал в деревню.

Уилл, будучи уже не ребенком, а семнадцатилетним юношей, остался сидеть на берегу с беззаботным видом. Он радовался весеннему солнцу, пусть и едва гревшему, но ласковому. Радовался шумной песне речушки, которую можно было перейти вброд. Время от времени

он поглядывал на удаляющегося брата и, когда тот полностью пропал из виду, достал со дна пустой корзины цветные ленточки. Их он купил на ярмарке пару дней назад, во время весеннего праздника Аарда, специально чтобы украсить плетеные сандалии.

Не успел он еще закончить, как вода в реке вдруг забулрила и вспенилась. Раздался всплеск, и оттуда вышла молодая девушка примерно того же возраста, что и Уилл. При виде Уилла ее красивое лицо расплылось в кривоватой, но радостной улыбке. Подняв платье до самых бедер, она побежала на берег, высоко вскидывая ножки. Почти добежав до друга, она подскочила и очутилась прямо перед его носом.

Взглядом Уилл уставился сначала на босые ступни, затем посмотрел выше, на стройные щиколотки, мельком пробежался по платью и наконец встретился со взглядом голубых глаз демоницы.

– Вериатель, я так рад тебя видеть. Ты как раз вовремя, я почти закончил...

Удивленная девушка склонилась ниже, а ее мокрые волосы упали на руки Уильяма; тот их отодвинул, не прекращая работы.

– Ч-ч-ч-ч, – приложил он палец к губам, – сядь тут рядышком, еще совсем немного – и я закончу.

Однако его, кажется, совсем не слушали. Вериатель уже начала скакать вокруг и заглядывала через плечо, а также сбоку. От нее, ссутулившись, прятали какой-то подарок. Девушке это совсем не понравилось. Она то прыгала вокруг, недовольно фыркая, то размахивала своими изящными ручками и все время пыталась прорваться к спрятанному.

– Готово! – наконец объявил Уилл. – Пару недель их делал. Садись сюда, Вериатель.

Ее не пришлось долго уговаривать. Присев, она тотчас полезла руками к коленям Уилла, где тот что-то прятал.

– Ай-яй-яй... Терпение и еще раз терпение, моя дорогая Вериатель, – весело воскликнул он и быстро перепрятал подарок за спину. – Дай-ка сюда свои ножки. Сначала одну... Да любую.

Ему бесстыдно сунули под нос ступню. Уильям нежно придержал девичью ножку и достал красивые сандалии, украшенные яркими ленточками. Вериатель вытянулась вперед в попытке ухватить их руками, но он пожурил ее и надел сандалию на ножку. Затем то же самое повторил со второй.

– Мне жалко твои ноги. Ты скачешь по острым камням, и порой мне кажется, что тебе больно, так что попробуй поносить сандалии. Я постарался сделать их удобными! Мне пришлось вырезать деревянные колодки по размерам твоих следов на песке, а после отнести их сапожнику, чтобы тот помог мне с подошвой. А дальше я уже сам оплел поверху веточками, корой и украсил ленточками.

Вериатель вскочила как ужаленная.

Поочередно она задирала ноги, чтобы разглядеть сандалии. Потом вдруг довольно завопила и пустилась в пляс, прыгая по окружающим камням, как козочка. Так и плясала она, пока не вспомнила о терпеливо ждущем рыбаке, который все это время с любопытством и удовольствием наблюдал за ее восторгом. Приятно, когда подарок оценили. А Уильям боялся, что сандалии не придутся по душе его босоногой подруге.

Подбежав к нему, она принялась кружить около Уилла. Ее истошные вопли разносились по хвойному лесу, да так громко, что ему пришлось подозрительно оглянуться по сторонам: как бы кто из деревни их не приметил.

– Я рад, что тебе понравилось, Вериателюшка, – смущенно произнес он. – Интересно, а если ты в кобылу обратишься, а потом снова в человека, с сандалиями что случится?

Она застыла. Воздух вокруг нее задрожал, и она вмиг обратилась в красиво гарцующую темно-мышастую лошадь. Еще мгновение – и перед Уиллом запрыгала, извиваясь, демоница

с высунутым из зубастой пасти языком; а секунду спустя снова заплясала девица, на ногах которой красовались сандалии.

Тут Вериатель вновь стала серой лошадью и, скакнув боком, остановилась перед Уиллом.
– Ты хочешь, чтобы я залез на тебя? – удивился он.

Кобыла громко заржала, а ее копыта стали отбивать камни. В раздумьях Уильям почесал затылок. Все-таки он знал Вериатель уже более семи лет. Ну не утянет же она его на дно после всего! А вдруг утянет? Наконец, решившись, он неумеючи схватился за гриву и спину и вполз на нее. Однако стоило ему коленями зажать ее бока, как весь мир вокруг смазлся – кобыла, как ураганный ветер, помчалась в горы.

Мимо мелькали малые и большие речушки... зеленые деревья, звериные тропы, шумные водопады, грохотавшие над самым ухом... складки гор, напоминающие морщины...

Все оставалось позади так быстро, как и появлялось.

В силах Уилла было лишь прижаться к лошадиной спине, хватаясь за шелковистую гриву, чтобы не свалиться и не разбиться. Тут из-за старых сосен показалось Сонное озеро. Кельпи несла своего всадника прямо к нему! Не успел тот вскрикнуть, как она оттолкнулась от берега в грациозном прыжке. Через мгновение над головой рыбака сомкнулись темные страшные воды, а его грудь сдавило с такой силой, что он непроизвольно выдохнул.

В воде лошадь обратилась в страшного демона. Почувствовав, что коснулся илистого дна, Уилл оттолкнулся от него в отчаянной попытке всплыть. «Обманула, я погиб!» – успел подумать он. Но тут его ухватили за ворот рубахи жуткими зубищами и потянули вверх. Рубаха не выдержала и разорвалась... Тогда кельпи обратилась в девушку и, обхватив руками тонущего, с нечеловеческой силой поволокла его к поверхности озера.

Вынырнув, Уильям судорожно закашлялся, выплевывая остатки воды. Когда он добрался до берега, то, обессиленный от пережитого, упал и принялся хватать ртом воздух, как пойманная рыбина. От его рубахи остались лохмотья, а на ноге грустно телепалась одна сандалия.

– Ты сгубить... сгубить меня надумала... Вериатель? Я же не рыба, чтобы дышать на дне озера!

Он пополз по грязи, приминая остатки окаймляющей берега сухой травы. Ногами он еще был в озере, когда почувствовал, что его не отпускают, придерживают. Тогда ему пришлось обернуться. Пока нос и рот демоницы пребывали в воде, своими голубыми глазами она пристально и неподвижно смотрела на Уилла.

– Чего ты хочешь? – спросил Уильям. Он принялся вытряхивать из волос всякую живность.

Она подплыла ближе, выползла на четвереньках из озера, вскарабкалась на рыбака, сев верхом, и придавила его к земле. Затем резким движением вдруг стащила с себя мокрое платье, обнажив стройное юное тело.

– О-о-о-о, – протянул медленно Уилл. Он понял, к чему все шло, и потому густо покраснел. – Вериатель, но ты же не человек. Как же мы...

Веритель в ответ на это лишь свирепо фыркнула, разбивая своим фырканием все возможные и невозможные доводы. Она принялась неистово срывать остатки рубахи и потянулась уже было к штанам Уилла, когда ее остановили просьбами:

– Нет-нет, давай я тут сам. Мне в них еще в деревню нужно вернуться, иначе не поймут... Хотя и так не поймут, но штаны пусть будут целы. Их у меня всего, между прочим, двое.

Приподнявшись, Уилл стащил с себя штаны. Затем неловко обнял девушку. Он принялся поглаживать ее призывно торчащие маленькие грудки, живот и мягкие бедра, боясь спугнуть этот мимолетный счастливый миг. Девушка необычайно смело, в противовес ему, уперлась коленями в грязь и не стала дожидаться, пока ее неопытный рыбак решится...

* * *

Чувство времени стерлось, и Уиллу казалось, что он провалился в дивный сон, длившийся бесконечно. Из этого сна его вернул лишь свежий пронизывающий ветер. Уилл обнял дремлющую рядом девушку, которой, похоже, ветер и холод были нипочем. Затем погладил ее по мокрым волосам, по лицу. Так они и лежали, обнявшись в грязи, чувствуя под собой примятую траву, пока Уилл совсем не зачоченел. Тогда он позвал Вериатель, и та с загадочной улыбкой на губах лениво встала, чуть покачивая бедрами.

В темноте Уилл натянул мокрые штаны – и от этого стало еще холоднее. Затем он поискал взглядом свою потерянную сандалию, но, похоже, она была безвозвратно утеряна в глубинах озера. Запели сверчки, и только тогда он понял, что сейчас далеко не полдень.

– Как такое возможно? – удивленно сказал он, вскочив и завертев по сторонам головой. – Только что был день, а теперь вдруг ночь!

И действительно, на лес и озеро опускалась ночь, а в небе зажглись первые и едва различимые, бледные звезды. Вериатель довольно рассмеялась, надевая платье. Сандалии на ее ногах перемазались тиной, и Уилл грустно смотрел на загубленные плоды своего труда. Видя, на что он глядит, Вериатель подпрыгнула, ударила пятками о землю – и в тот же миг сандалии стали чистыми и новыми.

– Ты настоящая волшебница, – промолвил Уилл, поеживаясь от ветра. – Может, ты и мне вещи каким-нибудь чудом восстановишь?

Но Вериатель лишь грустно покачала головой. Спустя миг на ее месте уже пританцовывала темно-серая лошадь, грациозно водившая головой.

Рыбак улыбнулся.

– Да, пора бы вернуться. Если честно, я весь продрог. Спасибо тебе, Вериателюшка! Этот день я точно никогда не забуду.

Он взобрался на лошадиную спину; мир снова стерся, однако Уильяма теперь несли по черному старому лесу – и только светлячки со звездами порой выхватывали из тьмы очертания деревьев и отшатывающихся зверей и птиц. Очень скоро он стоял подле своего пустого короба. Обернувшись девицей, Вериатель радостно хлопала в ладоши, и из воды стала то ли выскакивать, то ли вылетать рыба, попадая прямо в корзинку.

Уилл подошел к девушке и, краснея, неловко поцеловал ее.

– До завтра...

После чего развернулся, надел на плечи полный рыбы короб и направился домой, в деревню. Но чем дальше он отходил от демоницы, смотревшей ему вслед, тем сильнее чувствовал усталость – каждый шаг давался все тяжелее.

Маленькая деревня Вардцы была погружена во мрак. Лишь в окошках виднелись точки света от горящих очагов, да и то не везде. Многие уже спали. Однако в большом каменном доме на окраине уснуть не могли: там переживали за потерявшегося Уильяма. При виде сына, который был грязен, будто болотный черт, матушка Нанетта от испуга сразу взмолилась. Сидящий на лавке Малик и вовсе поперхнулся ухой и зашелся кашлем. Больше в доме никого не было, потому что бабушка и дедушка умерли два года назад.

Шатающийся Уильям опустил тяжелый короб на пол и вежливо поздоровался с матушкой. По выражению ее глаз он понял, что забыл искупаться. А еще его охватила странная, столь непривычная для молодого здорового мужчины слабость, о причине которой он еще не догадался.

– Сынок, что случилось? – спросила Нанетта.

– Просто свалился в реку, матушка, – сказал Уилл. Чтобы не упасть, ему пришлось опереться о вещевой сундук.

– В Белой Ниви нет такой тины и грязи! – не поверила очевидному вранью Нанетта. – Кто тебя так поцарапал, ты весь истекаешь кровью! Как ты умудрился разбить губы? На тебя напали? Тебя побили?

Уильям опустил глаза и заметил, что выглядит действительно отвратно. Но почему он не обратил на это внимания раньше?

– По камням проволокло, матушка. Сегодня ужинать не буду. Очень устал. Пожалуй, посплю немного.

Шатающейся походкой он прошел мимо притихшего на лавке Малика, который молчал, но с ужасом взирал на пропахшего тинной брат. Уилл добрался до своей скромной лежанки и едва коснулся ее, как забылся непробудным сном. В изматывающих объятиях кельпи он провел почти полдня, а не пару минут, как ему казалось поначалу. Его хитро околдовали, заставив не замечать бега времени, – да и сам он с радостью поддался этим чарам, не видя в своей жизни иного счастья, кроме Вериатель. Неудивительно, что, вконец измученный и обессиленный, он сразу же рухнул спать подле домашнего очага, где тлело всего несколько угольков.

Матушка тотчас побежала к деревенскому вождю Кадину.

Вождь Кадин деловито вошел в дом. Он внимательно осмотрел испарянного, покрытого тинной, илом и кровью юношу. Каждую минуту, пока он пребывал возле спящего, с его губ срывались тихие молитвы Ямесу. Затем он приказал привести служителя храма.

Служителем был ворчливый старик, привыкший рано ложиться спать и просыпаться. Поэтому он не обрадовался, когда посреди ночи его растолкали и приволокли к рыбацкому дому. Но стоило ему увидеть спящего, как всю его старческую полудрему как рукой сняло. Он завопил: «Демоны!» И принялся громко начитывать молитвы Ямесу. А Уильям продолжал спать сладким, почти детским сном, и не касались его ни упреки деревенских мужей, ни причитания матушки, ни заунывные молитвы.

Пока над зачарованным рыбаком вели совет, Нанетта потянулась к коробу, чтобы достать оттуда рыбу. Когда она заглянула внутрь, то вскрикнула от удивления. Малик тут же грузно соскочил с лавки и подбежал поглядеть; следом за ним корзину обступили и вождь со служителем. Внутри лежала переливающаяся в свете очага, будто драгоценные камни, форель, причем все рыбины как на подбор были длиною в половину руки взрослого мужчины. Большой удачей считалось поймать хотя бы одну такую форельку, а тут целый короб!

– Вот оно! Колдовство! – воскликнул служитель и со злобой посмотрел на мирно спящего парня. – Он, поди, с демонами связался! Говорю тебе, женщина, сын твой проклят! Вот почему он перестал носить подаяния в храм нашему богу!

Деревня на то и деревня, что на вопли служителя мигом стали стекаться ее любопытные жители. Сначала в дом зашла соседка Ахва, предчувствуя хороший повод для сплетен. Увидев, что происходит у ее подруги Нанетты, она запричитала, заохала и, подняв для скорости юбку, помчалась за мужем и детьми. Те пришли, осуждающе покачали головами и рассказали об Уильяме остальным.

Новость шальной птицей разнеслась по деревне. Густая лунная ночь окутывала мглой дома, однако это нисколько не помешало всем проснуться, дверям захлопать пуще, чем днем, а голосам окрепнуть и сплестись в единый хор. И вот уже каждый успел постоять и попричитать над спящим бедолагой, который не догадывался, какие пересуды его ждут.

– Поди же, с суккубом связался...

– Проклятый теперь, проклятый!

– Ой, поди, что будет с нашей деревней...

– Без отца совсем скатился...

– Люди добрые, а помните, как он уходил один в леса? Вот оно!

Лишь одна сердобольная старушка предположила, что на Уильяма напали вурдалаки. Уж очень не хотелось ей верить в то, что такой красивый и вежливый парень замешан в чем-то

нечистом. Однако ее, конечно же, никто не послушал, потому что это объяснение было самым скучным и абсолютно не загадочным.

Так и пролежал Уильям до самого утра, пребывая в мире грез. С рассветом его всячески пытались разбудить. И даже соседка Ахва боязливо толкала его, дабы узнать новые подробности, о которых можно поведать уже в другой деревне, куда она как раз собиралась под якобы благовидным предлогом. Но все было бесполезно... Уилл спал, будто мертвый...

* * *

Проснулся он, когда солнце высоко стояло над макушками зеленых сосен, то есть почти в полдень. Уилл открыл глаза, привстал и охнул от боли. Казалось, его долго били: руки и ноги не слушались, поясница не разгибалась, в бедра отдавало стреляющей болью, а спина вовсе горела пожаром. С трудом ему удалось приподнять руку, чтобы коснуться покрытых тиной волос и перепачканного грязью лица. С удивлением он посмотрел на свои набитые илом штаны, которые едва держались на тощих бедрах.

Дом пустовал – через открытую дверь сочился яркий свет, разгоняя полумрак жилища. Тогда Уильям поднялся с льняной лежанки на плохо гнущихся ногах, достал грубый кусок ткани, которым пользовались в качестве полотенца, вторую и уже единственную рубаху, свежие штаны и вышел наружу к солнечному свету.

Со сжатыми зубами он заковылял к Белой Ниви. Дорога заняла у него в три раза больше времени – будто к его ногам привязали по большому камню, а сам он стал скрученным годами стариком. Никто по пути не встретился ему, да и меньше всего он хотел этого, чтобы ничего не объяснять. То, что в Малых Вардцах, как и в двух соседних деревнях, уже всю судачили об этом, он пока не знал.

Наконец Уильям подступил к бережку, куда отовсюду стекались журчащие ручейки и потоки воды, образуя мелкую заводь. Здесь он всегда купался весной и летом; глубина чуть выше пояса, течение слабое, а дно ровное. С болезненным вздохом он стянул с себя штаны, не переставая поглядывать по сторонам – уж так ярки были его воспоминания о вчерашнем дне и истошных воплях своей обычно тихой подруги. Он ждал, что она либо выйдет из воды с бурным всплеском, либо появится откуда-то сбоку, шагах в десяти. Но ее не было.

Уилл зашел в заводь – ледяная вода тут же обожгла его исцарапанные спину и грудь. Не удержавшись, он вскрикнул от боли. Стуча от холода зубами, он принялся поспешно смывать грязь, споласкивать от ила волосы, очищать раны. И уже хотел было выскочить из воды, чтобы окончательно не заоченеть, как услышал тихие шажки.

– Вериатель? – обернулся он.

Нет, на него глядела девушка с черными волосами, заплетенными в косу. На ней было голубое платье такого пронзительного оттенка, какой бывает у летнего ясного неба. Фигуркой она походила на кельпи: такая же маленькая, красивая, стройная и с прелестными округлостями. Но личико ее, в отличие от непроницаемого лица демоницы, было невероятно живым: синие глаза лукаво смеялись, и казалось, что в их уголках пляшут озорные огоньки, а губы то сжимались в бантик, то расплывались в улыбке.

Это была Линайя, та самая, с которой Уильям дружил в детстве, пока не сгорел храм. Будучи человеком набожным, отец Лины почел случившееся карой Ямеса, а потому запретил дочери общаться с чудаковатым сыном погибшего служителя, к которому питал какую-то особую нелюбовь.

– Вериатель? – удивленно переспросила Лина, с любопытством оглядев голого юношу с ярко-красными отметинами. Затем ее щеки запылали румянцем, и она стыдливо отвернулась.

Тут с Уильямом произошло нечто странное. Доселе вся его жизнь была неразрывно связана с Вериателюшкой, и не было для него никого любимее, ласковее и милее. Потому и поговаривали в деревне, еще до события с форелькой, что рыбачок – зачарованный, странный, одинокий... Но сейчас эта безмерная власть над его душой и сердцем, которую он сам вручил демонице на берегу Сонного озера, вдруг истончилась, иссякла и ненадолго пропала. Ясными синими глазами он взглянул на красивую девушку перед собой, причем взглянул будто впервые...

Покраснев, он резво выскочил из воды, уже и позабыв о том, как у него все болит. На бережке он наспех обтерся грубым полотенцем и натянул свежую одежду.

– Я все, – негромко, со смущением сказал Уильям.

– Привет, Уилл! Кто такая или кто такой Вериатель? Хотя мне кажется, что это все же женское имя.

В руках Лины была корзинка с пустыми горшочками.

– Никто...

– А-а-а, понятно! Это то самое никто, якобы протащившее тебя по камням в реке, а потом наловившее тебе полный короб одинаковой форельки? – рассмеялась девушка, насмешливо сверкая глазами.

– Откуда ты знаешь?

– Да об этом вся деревня гудит, а теперь уже и по Большим Вардам, наверное, молва пошла! Тетушка Ахва старается. Вождь Кадин рассказал об этом ночью мужу подруги моей тетушки Маргари, а тот уже через пять минут во всех подробностях изложил все подруге тетушки, а уважаемая Амари тут же прибежала к тетушке Маргари... В общем, за ягодкой пошли грибочки. С утра все только и судачат о тебе да о демонах. Ваш служитель хочет провести обряд очищения и будет вечером молиться за твою душу, правда, без тебя... Он отчего-то сильно недолюбливает тебя, Уилл.

– Ерунда какая! Не было никаких демонов. Упал в реку с обрыва. Протащило по камням. Расцарапало тело. В ил плюхнулся.

– Ну да... А короб, полный огромной форельки? – подняла с недоверием бровь девушка.

– Клев был хороший!

– Ну уж слишком хороший... Так не бывает...

– Ты же сама знаешь, что эта рыба хорошо ловится в пасмурную погоду! А вчера как раз была такая. Ну и прикормки много использовал, сыпанул от души растертых опарышей! Жаль, что Малик ушел к тому моменту...

Линайя помялась с ноги на ногу. Она прикусила нижнюю губу и с сомнением посмотрела на разводящего руками рыбака, причем глаза у него были честные-пречестные. Как не поверить-то?

– Вот, смотри, даже синяк получил здоровенный, когда о камень приложился!

В доказательство он задрал рубаху и показал огромный кровоподтек на пояснице. Здесь обмана не было: он действительно ударился о камень, когда демоница придавила его к земле.

– Ну ладно. Ты меня почти убедил. Хотя царапины все же странные у тебя. Ни в жизнь не поверю, что так ненароком можно спину содрать.

– Я тоже так не думал, но пробовать еще раз что-то не хочется. А ты куда направляешься?

– Относила братьям обед – они рыбачат чуть выше по течению. Сейчас возвращаюсь.

– Надолго в деревне? Помню, ты была тут давненько, вон как выросла. – Уилл посмотрел на красивую женственную фигуру и вспомнил угловатую девчушку, которой она была прежде.

– К отцу серьезные гости прибыли из Офуртгоса на всю весну и лето, так что в моей комнате теперь живет господин Ракфуррсон со своим помощником. А я до осени побуду у тетушки.

– Отчего же твой отец не поселил их на постоялом дворе, которым владеет?

– Ну, вот так вот... Не знаю, – развела руками Линайя.

– Понятно. Давай провожу тебя, что ли... Я и так провалялся до обеда в кровати, мне нужно возвращаться и помогать матушке. Она отчего-то стала хворать в последнее время, особенно ближе к зиме.

– Проводи, – улыбнулась девушка и медленным шагом направилась к лесу. Ее лицо покраснело, она вновь прикусила нижнюю губу и замерла, ожидая Уилла, который прихрамывал и держался за поясницу.

Так эти двое и пошли к Малым Вардцам. Вечером Уилла пытали вопросами и служитель, и вождь, и матушка с братом, и прочие жители деревни – причем пытали дотошно. Но тот лишь уперто мотал головой и твердил, что свалился с отвесного обрыва в реку. Поначалу ему не верили, да и кто поверит в такие глупости? Однако находчивый юноша привел любопытствующих к участку Белой Ниви, сильно ниже деревни, где течение было размеренно-спокойным, в воде покачивались водоросли и берег был не каменный, а грязевой. Там он показал подробно, где скатился с отвесной кручи, как его протащило по ней, даже указал на мелкие острые камни. А потом ткнул пальцем в илистое дно, мол, смотрите-ка.

Постепенно жители убеждались, что ничего колдовского в том, что случилось, не было. Ну а с рыбой просто повезло. Не все, конечно, поверили, но Уильям хоть немного выпутался из этой прескверной истории.

Вериятель же не объявлялась еще пару зим. Что послужило причиной, Уильям не знал, но сожалел, что лишился хорошего друга. Впрочем, пока Линайя гостила в Малых Вардцах, их детская привязанность друг к другу переросла в нечто большее. Все чаще Уильям думал об озорной Линайе, и порой ему казалось, что он полюбил ее всем сердцем. Но дело было вовсе не в ней, а в том, что демоница просто на время отпустила Уильяма. А он и знать этого не знал и даже не предполагал, что больше не хозяин своей душе и сердцу.

Спустя пару лет кельпи все же пришла к нему. Зимой она явилась из обмелевшей реки в своих красивых сандалиях, загадочно улыбнулась и лишь помотала головой, не желая давать ответы на шквал вопросов. Теперь она стала приходить реже и ненадолго, но тем не менее постоянно. Главным было другое – то, как она теперь смотрела на Уильяма: будто с какой-то нежной теплотой. Уилл не понимал перемены в отношении Вериятель к себе, но чувствовал, что она о чем-то недоговаривает, что произошло нечто особенное после того дня на берегу озера... И сила, с которой Вериятель держала его подле себя, ослабла, словно демоница уже получила желаемое от этого молодого, чистосердечного рыбака...

Глава 2. Необычная встреча

Спустя шесть лет

Тропа извивалась среди сосен, как ей вздумается, и напоминала этим змейку. Она ползла, ползла все ниже, и Уилл брел по ней, жевал травинку златовика, вместе с тем отрешенно оглядываясь. Он дивился тому, как день сегодня был прекрасен, как чист и светел. Не было ни привычного обнимающего горы хмурого тумана, ни тяжелых облаков – все вокруг хорошо просматривалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.